

УДК 329

Искаков Ирлан Жангазыевич

кандидат юридических наук,
 профессор кафедры
 теории и истории государства и права
 Межрегионального института экономики и права
 iiel2002@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Iskakov Irlan Zhangazyevich

Candidate of Law,
 professor of the chair of
 theory and history of state and law,
 Interregional Institute of Economy and Law
 iiel2002@mail.ru

POLITICAL PROCESSES IN CENTRAL ASIA AS AN OBJECT OF MODERN POLITICAL SCIENCE

Аннотация:

В статье анализируются проблемы развития политических институтов и процессов в Центральной Азии. Институты и процессы в этом регионе имеют историческую и социокультурную специфику. Многие популярные аналитические схемы западной политической науки либо носят конъюнктурный характер, либо не получают эмпирического подтверждения.

Ключевые слова:

Центральная Азия, политические процессы, модернизация, демократия, авторитаризм, историко-культурное наследие.

The summary:

The article analyzes the problems of the development of political institutions and processes in Central Asia. The institutions and the processes in this region have a historical and social and cultural specificity. Many popular analytical schemes of Western political science, or are opportunistic in nature, or did not receive empirical confirmation.

Keywords:

Central Asia, political processes, modernization, democracy, authoritarianism, historical and cultural legacy.

В истории западной политической мысли многие авторы, начиная от Аристотеля до Цицерона, четко противопоставляли свободные институты Европы деспотической власти восточных правителей. Эта традиция сохранялась и в период средневековья. Само понятие «деспотизм», по крайней мере, с XIV в. прочно отождествлялось с государствами Востока [1, с. 60–99]. В эпоху Возрождения была разработана концепция восточно-деспотического государства; в социальном и политическом плане оно являлось альтернативой свободному государству Запада (Макиавелли и др.). В 1748 году Ш.-Л. Монтескье создает свой знаменитый труд «О духе законов» [2], в котором он объединяет политические институты Востока в общую категорию деспотизма. Монтескье рассматривает восточный деспотизм как глобальную альтернативу свободному обществу. Подобно Макиавелли (в его работе «Государь») он считает деспотическое государство царством рабов, страха и произвола, где нет места твердым законам и где все основано на слепом повиновении одному лицу. Ш.Л. Монтескье подводит под восточный деспотизм климатическую базу. Не будем здесь вдаваться в подробности аргументации «за» и «против», это целая страница в историографии стран Востока. Важно, что эта позиция вскоре встречает возражения, в частности – А.-Г. Анкетиль-Дюперона [3, с. 3–25]. Последний, аргументируя против выводов Монтескье, проводит три пункта (они прямо указаны в развернутом названии его работы, вышедшей в свет в 1778 г.), а именно:

1. На Востоке нет абсолютной деспотии, так как наличествует законный способ достижения власти (подтверждаемый, например, церемониалами, аналогичными западному коронованию восходящего на престол).

2. На Востоке вполне очевидно наличие законов, носящих универсальный характер (их нормы распространяются и на суверена, и на подданных).

3. Существует частная собственность, ее обладатели неотчуждаемо пользуются ею. Таковы сильные аргументы, которые автор выносит из опыта своих многотрудных восточных путешествий, в противовес Монтескье, основывающемуся на «Путешествии» Фр. Бернье. Анкетиль-Дюперон имел все шансы стать основоположником европейского востоковедения Нового Времени, но не стал таковым из-за пренебрежения существовавшими правилами научного мира.

Особенности политических процессов в Центральной Азии во многом обусловлены спецификой сложившегося общественного уклада и его институциональной основой – отношениями между властью и собственностью. Согласно мнению многих ученых-востоковедов, социологов и политологов, общественный уклад восточного общества имеет свои специфические черты, что фундаментально отличает западное общество от восточного. В частности, согласно концепции «власти-собственности» восточного государства, предложенной Л.С. Васильевым [4, с. 70–72], государство (в лице его главы) воспринимается как носитель социально-политической и экономической власти одновременно. Поэто-

му государство представляется средоточием власти, тотальной и всесильной по отношению к человеку как самоутверждающемуся субъекту в бытии. Система власти-собственности определяюще влияет на политику руководителей государств на Востоке. Правители всегда стремились всячески идеологизировать то наличное состояние, когда сосредоточение в руках государства всей полноты социально-экономической и политической власти при отсутствии способных противостоять ему общественных структур лишало человека возможности выбора между конкурирующими социальными силами. Такая модель общественного устройства возводилась в некую предзаданную норму и многообразно обособывалась (что собственно и есть функция идеологии). Для восточного государства характерно такое сочетание государственного сектора экономики и государственного аппарата, когда государство получает возможность жестко влиять на процессы взаимодействия экономических субъектов, во многом являясь одним из них. Это позволяет однозначно решать различные конфликтные ситуации к вышней пользе государства, служит его дальнейшему усилению. Все это отливало в представление о незыблемости общественных структур, которое не только предполагалось самим способом производства, но и выступало в качестве неизменного принципа социокультурной ориентации человека. Такая идеологизация властного, государственного устройства, естественно, вела или к тому, что человек предается внешней власти, подчиняя духовные силы достижению сугубо корыстных целей; или связывает себя с ней внешним, как он думает, образом, пытаясь при этом огородить для себя зону духовно-творческой свободы; или стремясь к максимальному расширению и углублению внутренней свободы, сознательно противопоставляет себя реалиям внешнего бытия, среди которых государственная власть занимает едва ли не центральное место.

После распада СССР в 1991 г. в процессе становления независимых центрально-азиатских государств вопрос о стратегии модернизации экономических и политических систем стал главным для их лидеров.

Гипотетически перед странами региона существовало несколько путей развития: а) западный – открытая экономика, политический плюрализм, развитое «гражданское общество»; б) турецкий – достаточно либеральный, но ориентированный на разделение светских и мусульманских функций государства; в) иранский – мусульманско-теократический и антизападный; г) китайский – с сохранением жесткого политического режима, но ориентированный на реформы под контролем государства.

Как сегодня известно, практически ни один из вариантов развития не был в чистом виде реализован странами региона. Однако в результате проведенных реформ в пяти государствах региона проводится несколько смешанных стратегий модернизации: а) стратегия частичной либерализации с опорой на энергетические ресурсы и элементами авторитаризма (Казахстан, Кыргызстан); б) авторитарные типы модернизаций с сохранением полного государственного контроля и использованием природного энергетического ресурса (Туркменистан, Узбекистан); г) периферийный, отсталый тип модернизации с элементами либерализации экономики (Таджикистан).

Вместе с тем Запад до конца XX в. сохранял определенные надежды на возможности углубления политических и экономических трансформаций по своим сценариям, включая попытки реформирования и самых жестких режимов президентов И. Каримова и С. Ниязова. Эти надежды связывались с большой финансовой и гуманитарной помощью, оказываемой западными организациями и фондами странам региона в 90-е годы, рассматриваемой на Западе как своеобразный «аванс» за будущие демократические и экономические реформы. С другой стороны, в самом регионе тогда имелись иллюзии «быстрого и безболезненного развития за счет Запада». В правящих элитах ряда государств региона (Узбекистане, Туркменистане), доминировали антироссийские настроения, сказывавшиеся на проводимых внешнеполитических курсах.

После событий 11 сентября и ужесточения проблемы исламского экстремизма и терроризма, сокращения финансовой помощи, усиления талибской угрозы для государств региона (Узбекистана, Таджикистана) произошло крушение иллюзий относительно Запада. Одновременно проведение каких-либо политических реформ в Центральной Азии (развитие реальной демократии и многопартийности, соблюдение прав человека, создание «гражданского общества» и пр.) отодвигалось на более отдаленное будущее.

В 2004 – начале 2005 гг. западные проекты поэтапной либерализации центрально-азиатских экономик и политических систем окончательно провалились. Так, Туркмени и Узбекистан даже не пытались менять свои авторитарные модели. Те же страны, которые следовали рекомендациям ОБСЕ и МВФ (Киргизия, Таджикистан) и провели в той или иной степени либерализацию, испытывают серьезные трудности.

Ряд центрально-азиатских экспертов считают, что основным препятствием для «западной модернизации» в регионе является цивилизационная несовместимость обществ Центральной Азии с общепринятой европейской моделью. Западная модель не находит здесь адекватной почвы, поэтому переходный период с сохранением «традиционных систем» продлится достаточно долго.

На фоне откровенных провалов в политике и экономике большинства стран этого региона особо выделяется Казахстан. Экономический успех Казахстана связан не только с конъюнктурой цен на нефть и газ, но и с осторожной, можно даже сказать, сбалансированной внутренней экономической политикой. Правда, в свое время казахстанское руководство совершило стратегическую ошибку, подписав ряд долгосрочных инвестиционных контрактов с западными компаниями, в соответствии

с которыми большая часть прибыли от продажи энергоресурсов (более 7 млрд. долл.) ежегодно уходит на Запад. Сегодня Астана хотела бы исправить эту несправедливость, пересмотрев ряд контрактов. Ответная реакция известна: многие европейские организации, а также Конгресс США ополчились против Н.А. Назарбаева, обвиняя его и его окружение в тотальной коррупции, нарушении демократии, сохранении клановости управления. Астана пытается смягчить противоречия за счет развития сотрудничества с американцами в области безопасности: идет совместное строительство военно-морских сил на Каспии. Однако этого, по мнению Вашингтона, недостаточно [5].

В течение длительного времени цивилизационное единство народов Центральной Азии считалось общим местом в большинстве научных трудов и политических оценок. Практически все современные лидеры Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, особенно во время региональных саммитов, подчеркивают общность истории и языков, происхождения и традиций, культуры и экономики. Основной тенденцией, отвечающей духу времени, многочисленные авторы считают интеграцию, в том числе и в Центральной Азии. Более того, само определение места Центральной Азии в мировой истории несет в себе политический подтекст. В частности, совсем недавно фактически все лидеры государств Центральной Азии называли свои страны «мостом между Западом и Востоком». И это местоположение должно было указывать на возможность универсального восприятия достижений обеих частей света.

Ещё десятилетие назад история Центральной (тогда – Средней) Азии рассматривалась как неотъемлемая часть истории СССР. Теперь пришло осознание того, что все-таки достаточно «оснований для рассмотрения Центральной Азии как типа локальной цивилизации» [6, с. 165]. Более того, коллектив киргизских ученых сделал вывод о том, что «Центральная Азия относится в большей степени к Востоку», но все-таки «сумела выработать собственное цивилизационное пространство» [7, с. 166]. Авторы считают, что центрально-азиатская цивилизация вобрала в себя две составляющие – цивилизации кочевников и оседлых земледельцев [8, с. 169]. При этом центрально-азиатский регион является частью исламской цивилизации. Это признание является характерным для нынешнего состояния политических процессов в этом регионе. Признание особенностей – важная часть национальной самооценки и самоидентификации.

Центральная Азия представляет собой сложный и противоречивый регион. Возможно, поэтому современные оценки истории, состояния, перспектив региона носят самый разнообразный характер. Некоторые из них имеют характер изложения мифических представлений, а то и совсем далеки от истинного знания. Например, К. Плешаков пишет: «Занятная вещь: в Центральной Азии – вакуум централизма. Пространство, «привыкшее» быть объединенным (не важно, Чингисханом, Тамерланом, Александром II или Сталиным), раздроблено на пять государственных формирований. Границы между ними в советское время порой прочеркивали по линейке (например, между Казахстаном и Узбекистаном к западу от Арала). Этнотипы региона перемешаны. Четыре из них – родственные друг другу тюрки. Экономика Центральной Азии монокультурна. Надежды на «лучшую жизнь» основаны исключительно на экспорте (на Запад) природных ресурсов, в основном, нефти и газа, но еще и золота, наркотиков, меди и пр. Выражаясь ученым языком, в Центральной Азии сложилось «протоимперское пространство». Попросту говоря, регион готов к объединению неким гегемоном» [9, с. 68–69].

Приблизительно аналогичный подход имеют и некоторые современные политологи, специализирующиеся на ситуации в новых независимых государствах. Политическая конъюнктура определила отношение к государствам Центральной Азии как системе «N-станов», имеющих общие экономические, политические, социальные основы и единое цивилизационное происхождение, а также близкие по своему типу политические режимы и экономическую политику. На этой основе события в Узбекистане весьма легко экстраполируются на Казахстан, а режим в Туркменистане ничем не отличается от таджикского или кыргызского. За десять лет сформировалось довольно большое количество штампов, которые никак не поднимают завесу над реальными процессами. Об этом, в частности, говорит Р. Абазов: «В советологии мы рассматривали одинаково процессы, происходящие в бывшем Советском Союзе, и процессы в Центральной Азии, в частности. Но реалии не всегда соответствовали идейным конструкциям, которые мы пытались объяснить» [10, с. 101].

Для преимущественно аграрных и сырьевых республик, находящихся рядом с воюющим Афганистаном и вдали от мировых центров экономического роста, распад СССР в те годы означал новую экономическую и политическую изоляцию. В те же годы большинство российских и западных аналитиков предсказывали экономический и политический крах для этих республик. И эти суждения были известны, более того, они активно тиражировались демократическими изданиями.

Следует также подчеркнуть следующее обстоятельство. В странах этого региона важнейшую роль играет феномен возрождения национального духа и религиозности, который считается вполне демократическим в «христианском» мире. Но аналогичный процесс в «исламских» государствах СНГ воспринимался как новое вхождение их в орбиту исламского фундаментализма. В частности, российские исследователи отмечали, что «отечественное исламоведение и, в первую очередь, публицистика на исламские темы, ориентированные в целом на политическую конъюнктуру, сформировали в нашем обществе одностороннее, негативное отношение к теории и практике ислама» [11, с. 63–64].

Приверженность к готовым схемам часто приводит исследователей к необоснованным выводам и суждениям, что находит свое отражение в описании западными аналитиками ситуации в Централь-

ной Азии. В результате переплетения мифов и далеких от реальности теоретических схем создается новый образ Центральной Азии как группы государств, с разной скоростью погружающихся в авторитаризм и тоталитаризм. Отличительными чертами нового мифа об этих странах и народах являются утверждения о неприспособленности к рыночным отношениям, глубоких корнях религиозного фундаментализма, застойности экономической жизни, чрезмерной приверженности патриархальным отношениям и постоянной борьбе между различными клановыми группировками. Такой подход вызывает возмущение, в первую очередь, среди специалистов, которые имеют давний опыт изучения народов и государств центрально-азиатского региона. Естественно, что многие проблемы существуют. Так же, как и все новые государства, центрально-азиатские страны подвержены коррупции, существует борьба элит за передел собственности, слабо влияние общества на принятие государственных решений, малочислен средний класс, не находят своего выражения в парламенте и партийной системе интересы социальных групп. Таковы болезни общие. И страны имеют разный опыт их лечения.

Внимательное изучение региона приводит к пониманию того, что в нем существуют цивилизационные границы. И поиск особенного, частного, сугубо индивидуальных черт не является чем-то особым, эта тенденция общемировая. Детальное и глубокое изучение истории, свободное от идеологического диктата, обнаруживает тенденцию изучения цивилизаций, культур и субкультур, которое ведет к поиску не столько общего, сколько различий между ними. Более того, тенденция поиска идентичности ведет к переосмыслению прежних оценок, к выделению локальных цивилизаций.

Историческое и культурное наследие, традиции политической жизни определяют и разный подход к современным проблемам. И на этой основе в регионе формируется новый клубок противоречий. Киргизский исследователь Н. Омуралиев, в частности, выделяет наряду с конфессиональными, межэтническими, территориальными, внутринациональными и цивилизационные конфликты. К таким конфликтам он относит не только известное этнокультурное и этнопсихологическое различие в образе жизни азиатских и европейских народов, но и цивилизационные противоречия по отличиям в образе жизни оседлой, земледельческой и кочевой, скотоводческой цивилизаций, в рамках, например, родственных тюрко-язычных народов [12, с. 72].

По мнению А. Улуныяна, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, после распада СССР во всех государствах Центральной Азии наступил затяжной переходный период, продолжавшийся вплоть до начала XXI в. В настоящий момент по сформировавшейся модели правления говорить о единстве государств Центральной Азии не приходится. Их можно условно разделить на две группы, в одну из которых входят Туркменистан и Узбекистан, в другую – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Критерием выделения групп служит степень тоталитарности существующего политического режима. Несмотря на то, что из всех стран региона только Киргизия наиболее близка к демократическим устоям, для всех государств Центральной Азии характерен полный контроль над законодательной властью. При этом нижняя палата парламента во второй группе стран избирается [13].

А. Власов, заместитель директора Информационно-аналитического центра МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечает, что формы правления во всех странах региона схожи, различаются лишь степенью проявления черт тоталитаризма. При рассмотрении ситуации в Казахстане, который демонстрирует бурный экономический рост, не следует говорить о том, что экономические реформы там переходят в политические. Все страны региона сделали выбор в пользу этнонационализма как государственной идеологии. Форму правления, выстраиваемую государствами Центральной Азии, можно условно назвать «управляемой демократией» или же «фасадной демократией». Главные усилия руководства направлены на сохранение положения правящих элит. Оппозиция является виртуальной, встраиваясь в существующие структуры и чутко улавливая настроения власти. В силу этого неизбежный кризис власти в центрально-азиатских государствах, о котором много говорили российские эксперты, вряд ли наступит. Построение «управляемой демократии» – вот самый вероятный сценарий развития стран региона. В силу каких-либо форс-мажорных обстоятельств (например, обострения исламского фактора) возможно только резкое обострение разногласий внутри правящих элит с трудно прогнозируемым исходом. Единственное исключение в регионе представляет собой Киргизия, которая в настоящий момент находится в крайне нестабильном состоянии. Возможно, построение государства там придется начинать снова с нуля [14].

Различные страны региона Центральной Азии по-разному включены в процесс демократизации. В одних он протекает более, в других – менее успешно, есть такие государства, где демократический транзит вообще не заметен. В известном смысле в странах этого региона достаточно сильны позиции тех политических сил, которые призывают действовать на основе собственного опыта и национальных традиций. Хотя в такой позиции ничего плохого нет, в то же время в условиях глобализации периодически необходимо сверять собственные планы и шаги с аналогами, имеющимися в других странах мира.

Как справедливо отмечает А.А. Куртов, формально никто из публичных политиков, в том числе лидеров постсоциалистических государств, не выступает прямо против демократии. Наоборот, все много говорят о своей приверженности демократическому развитию. Но при этом реально мы имеем дело часто лишь с вывеской, пропагандой, но не с искренним стремлением установить в конкретном государстве демократическое правление [15]. Еще не так давно средства массовой информации Туркменистана, например, также утверждали, что в этой стране как раз существует истинная демократия.

В завершении можно сделать следующие выводы. Политические процессы в странах Центральной Азии могут служить хорошей иллюстрацией тезиса современной политической науки о притягательной силе демократических идей. В современном мире идеи демократии популярны даже среди лидеров недемократических режимов, которые стремятся представить свои режимы как переходные системы, которые в будущем эволюционируют в демократические системы.

Вместе с тем следует принимать во внимание тот факт, что политические процессы в Центральной Азии имеют свою историческую и социокультурную специфику. Многие аналитические схемы, созданные в западной политической науке, по-прежнему не получают эмпирического подтверждения. Процессы демократизации и модернизации политической системы на практике принимают существенно иной характер, чем описывает теория. Политической науке предстоит еще многое сделать для того, чтобы адекватно описать происходящие здесь процессы.

Ссылки:

1. Абазов Р. Внешняя политика центрально-азиатских государств на примере Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана // Национальная и региональная безопасность центрально-азиатских стран в бассейне Каспийского моря: сборник материалов Международной конференции Казахстанского ин-та стратегических исследований. 22–23 сентября 2000 г. Алматы, 2000.
2. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. М.П. Баскина. М., 1955.
3. См.: Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти: сб. статей / отв. ред. Н.А. Иванов, Л.С. Васильев. М., 1993.
4. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века: сб. статей / отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 60–99.
5. Лузянин С.Г. Политические и экономические трансформации в государствах Центральной Азии. URL: www.analitica.org
6. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек, 1995.
7. Там же.
8. Там же.
9. Плешаков К. Сквозь заросли мифов // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 2.
10. Абазов Р. Указ. соч.
11. Емельянова Н. Ислам и армия в России // Acta eurasica. 2001. № 2 (13).
12. Омуралиев Н.А. Политические процессы в Кыргызстане // Современные политические процессы. Бишкек, 1996.
13. Центральная Азия: пути и возможности эволюции политических режимов. URL: <http://ia-centr.ru/archive/public.html>
14. Там же.
15. Куртов А.А. Трансформация политических режимов. URL: www.freeas.org/

References (transliterated):

1. Abazov R. Vneshnyaya politika tsentral'no-aziat-skikh gosudarstv na primere Kazakhstana, Kyrgyzstana i Uzbekistana // Natsional'naya i regional'naya bezopasnost' tsentral'no-aziat-skikh stran v basseynе Kaspiyskogo morya: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii Kazakhstanskogo in-ta strategicheskikh issledovaniy. 22–23 sentyabrya 2000 g. Almaty, 2000.
2. Monteske S.L. Izbrannye proizvedeniya / general ed. and foreword of M.P. Baskin. M., 1955.
3. See: Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravleniya i vlasti: col. of article / ex. eds. N.A. Ivanov, L.S. Vasil'ev. M., 1993.
4. Vasil'ev L.S. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur // Tipy obshchestvennykh otnosheniy na Vostoke v srednie veka: col. of article / ex. eds. L.B. Alaev. M., 1982. P. 60–99.
5. Luzyanin S.G. Politicheskie i ekonomicheskie transformatsii v gosudarstvakh Tsentral'noy Azii. URL: www.analitica.org
6. Razvitiye mezhethnicheskikh otnosheniy v novykh nezavisimyykh gosudarstvakh Tsentral'noy Azii. Bishkek, 1995.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Pleshakov K. Skvoz' zarosli mifov // Pro et contra. 1997. Vol. 2. No. 2.
10. Abazov R. Op. cit.
11. Emel'yanova N. Islam i armiya v Rossii // Acta eurasica. 2001. No. 2 (13).
12. Omuraliev N.A. Politicheskie protsessy v Kyrgyzstane // Sovremennyye politicheskie protsessy. Bishkek, 1996.
13. Tsentral'naya Aziya: puti i vozmozhnosti evolyutsii politicheskikh rezhimov. URL: <http://ia-centr.ru/archive/public.html>
14. Ibid.
15. Kurtov A.A. Transformatsiya politicheskikh rezhimov. URL: www.freeas.org/